

Мурат Турарович ЛАУМУЛИН,
доктор политических наук (Казахстан)

К вопросу о формировании постсоветской государственности в Средней (Центральной) Азии

DOI:10.23932/2542-0240-2016-9-5-95-113

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются особенности формирования государственности в странах Средней Азии в постсоветское время. Автор делает предположение, что Центральноазиатский регион утратил гомогенность, о которой говорили исследователи. В статье прослеживается путь строительства национальных государств после распада СССР. Также рассказывается о роли кланов и семейных отношений на постсоветском пространстве в Центральной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Средняя Азия, Центральная Азия, государственность, постсоветское пространство, примордиализм, легитимация.

Средняя (Центральная) Азия традиционно рассматривается как единый, гомогенный регион. Особенно акцент на это делался после Ашхабадской встречи лидеров пяти (тогда еще советских) республик, последовавшей за встречей лидеров славянских республик в Беловежской пуще в 1991 г. Внешние игроки приняли единство региона как данность, хотя предпочитали

вести дела на двустороннем уровне – Россия, США, Китай. Только Европейский Союз долгое время относился всерьез к концепции единства региона, пропагандируя теорию региональной интеграции по собственной модели.

Несмотря на общие черты политических режимов, между государствами региона всегда было немало расхождений; отношения между ними не совсем дружественные, а их внешнеполитические ориентиры существенно отличаются друг от друга. Со сменой поколений и приходом к власти новых руководителей Центральная Азия окажется еще более разделенной, когда националистические повестки дня будут пользоваться преувеличенным вниманием, а символическая и экономическая конкуренция – обостряться. Поэтому имеет смысл вновь задуматься над тем, насколько правомерно объединять все пять стран в некую общность [Центральная Азия и..., 2013].

Как считают некоторые дальновидные наблюдатели, в регионе отсутствует ощущение общей центральноазиатской идентичности, особенно у представителей молодого поколения.

Спустя двадцать один год после обретения независимости пять стран, вместе образующие то, что называется Центральной Азией, в будущем, вероятно, столкнутся с серьезными проблемами.

Таким образом, первый вывод гласит, что регион утратил свою гомогенность (если только она существовала в реальности). На сегодня можно констатировать, что единой центральноазиатской идентичности не существует. Каждое государство региона развивается на свой манер, по собственной модели и имеет только ему присущие международные ориентиры. Парадоксально, но это стало возможным только после утраты прежней советской идентичности, которая худо-бедно скрепляла республики Средней Азии. Путь строительства национальных государств развел республики региона друг от друга.

В 2015–2016 годах исполнилось двадцать пять лет с момента учреждения института президентства в СССР и его союзных республиках, ставших в декабре 1991 года независимыми государствами. За это время институт президентства подвергся существенным трансформациям. Если на первый взгляд может показаться, что введение поста президента в республиках было лишь подражанием союзному центру, то более внимательный анализ обстоятельств обнаруживает в каждом случае свою специфику, особую конституционную формулу и, что самое главное, – разные пути развития и трансформации института президентства. Соответственно, в каждом случае формирование и развитие президентства определялось не только общими, но и особенными факторами, которые и привели к последующей дивергенции этого института еще в период су-

ществования СССР, а затем в условиях новых независимых государств.

Наделение президента широкими полномочиями отражало исторические традиции стран Центральной Азии, где глава государства является для населения лидером нации. Различия между странами затрагивают лишь объем полномочий, оставленных законодательной ветви власти. В Кыргызстане и Казахстане парламенты формально играют самостоятельную роль, однако в других странах Центральной Азии полномочия президента практически ничем не были ограничены. Разделение страны на кланово-земляческие, родовые группы и введение парламентской формы правления стали серьезным испытанием для Кыргызстана. Это подтвердили два государственных переворота, которые произошли в стране после обретения независимости. При этом перевороты носили характер борьбы между представителями отдельных регионов Кыргызстана, боровшихся за политическую, а вместе с нею и экономическую власть. В итоге после очередной смены власти в 2010 году в Кыргызстане была сформирована плохо работающая парламентско-президентская форма правления, способствующая дальнейшему регрессу государства.

Три ключевых фактора сыграли решающую роль в диверсификации различных моделей авторитаризма в Центральной Азии: степень вовлеченности (или, соответственно, невовлеченности) Москвы в местные дела; наличие или недостаток экономических (природных) ресурсов и разная степень влияния ислама. В целом на диверсификацию режимов и их стабильность повлияла совокупность факторов. К ним относятся наследование прочного партийно-административного ап-

парата (Казахстан и Узбекистан); чрезмерная зависимость от иностранной помощи (Киргизия), которая делает правящий класс уязвимым; нехватка экономических ресурсов, что обрекает режим на применение насилия или на неизбежную децентрализацию, клановый регионализм и т.д. (Кыргызстан и Узбекистан); в свою очередь наличие богатых ресурсов (Казахстан) позволяет режиму избежать дилеммы между децентрализацией и насилием.

Но при этом политическая нестабильность, нехватка ресурсов, наложенные на прочные исторические традиции исламоориентированных обществ, делают неизбежным превращение исламского фактора в фактор социальной и политической гравитации.

Для всех обществ центральноазиатского региона характерно крушение попыток их политических элит и местной интеллигенции обрести национальную идентичность посредством отказа от заданных в советскую эпоху параметров. Поэтому для всех без исключения республик региона (и для большинства постсоветских государств других регионов бывшего Союза) характерна метаморфоза следующего содержания: трансформация «от коммуниста к националисту».

То есть центральноазиатские государства, изменив свой формальный внешний статус, с внутренней точки зрения сохранили главные типологические черты политического устройства и системы управления прежних эпох. Тем самым центральноазиатские общества пронесли через советскую эпоху в неизменном виде традиционную систему отношений и кланово-племенную организацию. По мнению ряда экспертов, общественно-политические модели во всех пяти республиках реги-

она близки друг к другу как по внешним признакам, так и по своей природе [см.: Burghart D.L., Sabonis-Helf Th., 2004].

Становление новой национальной и политической идентичности можно рассмотреть на примере феномена образования современной казахской элиты. Ее ядром можно считать казахскую билингвистичную интеллигенцию, сложившуюся в советскую эпоху и сыгравшую в этот период чрезвычайно полезную роль для формирования новой казахской идентичности. Авангардом этого социального слоя были академические и вузовские ученые, получившие образование в Москве и Ленинграде. Однако после обретения независимости внутри интеллигенции произошла трансформация, связанная с приоритетной ролью национальной культуры, которая привела к выдвиганию на первый план носителей чисто национальных казахских традиций и языка. Во многом этому процессу способствовала эйфория, возникшая на волне национальной независимости. Таким образом, произошел разрыв между основной массой интеллигентной элиты, по инерции жившей традициями, сформировавшимися еще в советскую эпоху, и новым слоем, активно пропагандировавшим новые этноориентированные ценности. Разрыв наиболее ошутимо наблюдался между стремлением этой группы быстрее создать новую, чисто казахскую идентичность и реальными условиями, в которых находились образование, уровень знания казахского языка, мировоззренческий опыт большинства населения, а также повседневной жизнью [см.: Contemporary Kazaks..., 1999].

В целом казахстанская система власти характеризуется сильной исполнительной вертикалью. Но в ней

содержится противоречие между двумя формами делегирования власти, которые свойственны любой унитарной системе и которые присутствуют в Казахстане: первый путь подразумевает делегирование власти (деконцентрация) территориальным администрациям (снизу вверх); второй – передачу власти (децентрализация) местным администрациям (на областном уровне, сверху вниз). Конституция РК подразумевает применение обоих механизмов.

В 2016 году исполнится двадцать пять лет существования стран Центральной Азии как независимых государств. Это дает повод подвести определенные итоги их политического развития. Прежде всего, отсутствие законодательно урегулированных механизмов взаимодействия ветвей власти и преобладание неформальных договоренностей, опирающихся на интересы отдельных кланов, делает политические системы слабыми перед внешними и внутренними вызовами. Властные структуры не являются самодостаточными и представляют собой форумы, на которых субгосударственные группы влияния конкурируют между собой, чтобы обеспечить свою безопасность и воздействовать на государство.

Ряд стран региона, прежде всего Казахстан и Узбекистан, стоят перед необходимостью решить вопрос о преемственности власти. Узбекистан уже вступил в эту фазу после физического ухода И. Каримова в начале сентября 2016 г. Для Казахстана задача усложняется тем, что преемник должен устроить все три жуза, при том что в самих жузах и между ними периодически прорываются серьезные противоречия. Схожая ситуация отмечена в Узбекистане, где преемник должен устроить ведущие кланы – самаркандский, таш-

кентский, наманганский, ферганский, хорезмский, бухарский, каракалпакский.

Президенты всех стран Центральной Азии вынуждены искать баланс между отдельными группами и кланами, не допуская, чтобы какая-то из них заняла доминирующее положение и создала угрозу правящей элите. Тенденцией последних 20 лет стало ограничение возможностей политических элит влиять на внутривполитические процессы. Институционализация отношений и развитие формальных механизмов власти по-прежнему сочетаются с неформальными отношениями.

В большинстве стран Центральной Азии отсутствует оппозиция, рассматриваемая в качестве угрозы существующему режиму. Слабой остается роль парламента, который по-прежнему не влияет на выработку и реализацию внутренней и внешней политики. Парламентские выборы, которые прошли в 2015 году в Таджикистане и Кыргызстане, и президентские в Казахстане и Узбекистане не изменили принципы формирования власти. За исключением Кыргызстана, где парламент обладает относительной самостоятельностью и независимостью, в остальных центральноазиатских странах сохранилась тенденция к концентрации власти в руках президента [см.: Zhiltsov S., 2016].

Особенности становления независимых государств в Средней Азии

Анализ политических процессов в странах региона, особенностей социально-экономического развития государств Центральной Азии выявляет коренные перемены, затронувшие все сферы жизни общества. Но в то

же время в государствах Центральной Азии наблюдаются устойчивость авторитарной модели правления, специфический тип кланово-бюрократического капитализма, обслуживающего весьма ограниченную по численности группу, сложное взаимодействие традиции и модерна, усиление влияния религии в общественной жизни. Развивающийся в государствах Центральной Азии политический процесс воспроизводит незападную модель или набор ее элементов, которая в основном определяется формой общественных личных взаимоотношений, а власть, авторитет, влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния [см.: Политический процесс..., 2011].

Консервативная политическая культура обусловила своеобразные принципы функционирования политических институтов. После обретения независимости и развала партийно-советской системы пришедшая ей на смену многопартийность снова стала подвергаться влиянию устойчивых общественных взаимосвязей. Политические партии не являются идеологическими, важным фактором их формирования остаются региональные, клановые, родоплеменные интересы; большинство партий и движений не являются общенациональными, а борются исключительно за обеспечение более высокого статуса своим соплеменникам.

Существуют и другие характеристики политических режимов в регионе; некоторые по-сталински лаконичны: национальные по форме, советские по содержанию. Расшифровывая этот тезис, можно сказать, что высшие по-

литические классы в Центральной Азии по-прежнему живут по имперской инерции, сохраняя привычки, повадки, мышление и (русский) язык советской эпохи. При этом нельзя согласиться с расхожим убеждением, что сложившиеся в регионе политические модели являются одной из форм т.н. «азиатского деспотизма». На самом деле государственные модели стран Центральной Азии двигаются не «по пути Тамерлана», а регрессируют в сторону уже советской системы, но не сохранив и уничтожив ее (социальные) достоинства. Но в целом политическую и экономическую судьбу государств региона определяют такие объективные факторы, как география (внутриконтинентальное положение) и геология (природные ресурсы). Можно сравнить местные политические режимы с дуэтом Янусом – комбинацией постколониальных и неосоветских форм управления.

Местные режимы пока успешно справляются со своими задачами, но в своем развитии они неустойчивы. Сильный отпечаток на развитие своих государств накладывают личности их лидеров. В этой связи проводятся следующие параллели: покойного туркменского президента С. Ниязова («мегаломаньяка», по выражению некоторых авторов) сравнивали с румынским лидером Н. Чаушеску и центральноафриканским «императором» Ж.-Б. Бокассой. Для бывшего президента Кыргызстана А. Акаева (по его же выражению, политика джефферсоновского типа) находят параллель в лице лидера Зимбабве Р. Мугабе, который также поначалу внушал надежды на демократизацию, но потом вступил на путь укрепления режима личной власти. В отношении таджик-

ского президента зачастую воздерживаются от персональных характеристик, учитывая, что Таджикистан представляет собой отдельный случай в регионе. Но эта республика напоминает страны франкофонной Африки, которые многие десятилетия являлись, по сути, военными протекторатами Франции. Казахстан благодаря своим нефтяным богатствам ассоциируется с такими странами, как Индонезия и Нигерия, с которыми напрашиваются определенные политические и экономические параллели.

И, наконец, список завершает Узбекистан, который из всех стран региона остается наиболее верен своим советским корням. Недавно скончавшийся И. Каримов имел в начале 1990-х гг. самые лучшие перспективы как в экономическом, так и в политическом плане. Но в результате он создал не реформируемую в принципе систему с чрезмерным государственным контролем во всех областях жизни и массовыми репрессиями против политических противников и на религиозной почве. В разные периоды своего правления Каримов напоминал различных политических лидеров: на первом этапе – иранского шаха, который, как и Каримов позднее, мечтал возродить древнее величие своей страны. Затем Каримов своей антирелигиозной политикой стал напоминать Кемаля Ататюрка. Можно также было провести параллели между Каримовым и китайскими реформаторами постмаоистской эпохи. Но в конце концов режим, созданный Каримовым, стал отвечать известному афоризму: он знает, как подавлять и доминировать, но не знает, как приспособиться к меняющимся условиям [см.: Burghart D.L., Sabonis-Helf Th., 2004].

Модель Казахстана

В отношении Казахстана существуют два фактора, которые определяют современную ситуацию в стране. Первый состоит в том, что казахи довольно быстро справились с задачей национально-государственного строительства, т.е. овладели всеми политическими, административными, экономическими и финансовыми рычагами. Казахстан приобрел свой национальный облик вместе с новыми названиями городов, улиц и площадей и введением национальной атрибутики. Второй фактор, выделяющий Казахстан из ряда других постсоветских государств, это крайне выраженная степень русификации, или точнее – аккультурации. Русский язык по-прежнему занимает прочные позиции в казахстанском обществе, так же как и среди его элиты, и это не кажется уже чем-то чуждым и привнесенным извне [см.: Contemporary Kazaks., 1999].

Некоторые эксперты обращают внимание на военный фактор в политическом развитии стран региона. Речь идет о трансформации от «интернационалистских» вооруженных сил к националистическим. Они исходят из того, что военные как политический фактор играли осевую роль в политической жизни, государственном строительстве, внешней политике и повседневной жизни центральноазиатского общества с самого начала XX века и до настоящего времени. Однако советские лидеры, начиная с Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина и заканчивая их преемниками, современными президентами новых независимых государств, много сделали и делают для того, чтобы армия никогда не смогла играть заметную политическую роль,

а оставалась «верным мечом партии», т.е. инструментом правящих режимов [см.: Marat E., 2009].

Ряд ученых считает, что механизм государственного управления и политические процессы в Казахстане заслуживают пристального внимания и западным СМИ и части политологов следует отказаться от стереотипов и клише в духе характеристики страны как диктатуры, полицейского государства или жесткого авторитарного режима. По их мнению, несмотря на богатые природные ресурсы, главным богатством Казахстана являются люди, в которых сочетаются таланты и традиции, амбиции и крепкая историческая память. Основная идея состоит в том, что для лучшего понимания прошлого и будущего Казахстана чрезвычайно важно учитывать три взаимосвязанные составляющие: движение через «страдания и невзгоды, выживание и успех» [см.: Айткен Дж., 2011].

Таким образом, Казахстан последовательно пережил ряд исторических экспериментов над своей идентичностью, сохранив при этом свою этничность (посредством системы власти). Это удалось благодаря сочетанию этно-национального по сути процесса сохранения (возрождения) идентичности с интернациональным характером советской системы. Можно рассматривать данный процесс через триаду: вхождение в империю, сотрудничество и транзит. Уже в дореволюционном Казахстане были заложены базовые элементы антиколониальной идентичности казахов, но одновременно происходило и формирование пророссийской части казахской элиты, которая сыграла (и играет до сих пор) столь важную роль в истории и политической жизни страны. Отдельная дискуссия связана

с результатами в виде глубокой русификации казахского общества. Некоторые авторы открыто говорят о феномене «манкуртизма» как результате модернизации казахов на советский манер.

Другие отмечают характерный парадокс: почему политика насаждения казахского языка в качестве единственного не привела к острым конфликтам на национальной почве в республике или к сопротивлению среди неказахской части населения. Ключ к разгадке лежит в разрыве (и очень значительном) между статистическими успехами распространенности казахского языка и степенью его реального применения. Причины низкой активности и малой политической мобилизации русскоязычного населения против «националистического проекта» кроются в поразительной стойкости и живучести заложенных в советское время институтов интернационализма и этнической толерантности, в полной мере сохранившихся в казахстанском обществе.

Часто делается попытка выяснить истинную природу современного Казахстана в качестве «национального государства» (государства-нации). Исследователи сравнивают казахстанский опыт национального строительства с индийским и малайским и приходят к выводу, что в Казахстане содержание этого процесса свелось в первую очередь к укреплению власти и могущества местной элиты. В результате – по мере укрепления патроно-клиентистской системы – республика совершила трансформацию в патримониальное государство. А если посмотреть на проблему с точки зрения результатов процесса развития этничности, то казахи получили статус «первых среди равных», который, впрочем, не закреп-

плен на конституционном или законодательном уровне. В целом же казахи как этническая группа не располагают особыми экономическими преимуществами перед другими национальностями, если брать среднестатистические показатели (а не уровень жизни казахской элиты). Преимущество казахов в их собственной стране свелось к наличию этнически очерченной символики (например, статус казахского языка как государственного), которая, однако, не дает реальных привилегий основной массе казахского населения.

Таким образом, процесс построения «национального» государства в Казахстане носит фактически символический (имитационный) характер. Лакмусовой бумажкой в этом историческом эксперименте является полное отсутствие какой-либо общенациональной идеи, которая объединяла бы все социальные слои и этнические группы населения, хотя попытки сформулировать ее не раз предпринимались в ходе строительства государства [см.: Dave B., 2008].

Исследуя политические процессы в Казахстане, некоторые авторы выделяют такие основополагающие для них принципы, как «стабилизация в ущерб демократизации» и так называемое формальное президентство. Под последним понимается реальное различие между полномочиями президента как конституционного главы государства и его реальными (неформальными) рычагами властного воздействия. В результате исследователи приходят к парадоксальному на первый взгляд выводу: «неформальная» власть президента в Казахстане выше, чем «формальная».

Говоря о политической борьбе, следует отметить, что оппозиция на протяжении всей истории современного

Казахстана носила маргинальный, искусственный характер и не располагает реальными рычагами и идеологией воздействия на общественность. И это при том, что в Казахстане существует реальная либерализация в сфере СМИ. Казахстану помогла выжить и сложиться как самостоятельному государству принятая в самом начале его развития концепция европейской государственности (с юридической, политической и культурно-цивилизационной точек зрения). Этот выбор позволил относительно безболезненно избежать фазы этно-националистических амбиций и межэтнических конфликтов.

В ходе процесса своего формирования и укрепления правящему режиму в Казахстане приходилось сталкиваться с серьезными вызовами. До 1994 г. основной проблемой была нейтрализация националистов и религиозных экстремистов. В 1995 г. власти удалось предотвратить возникновение действенной оппозиции в лице партии Народный конгресс Казахстана. Во второй половине 1990-х гг. самым серьезным противником осталась компартия, но власти удалось маргинализировать ее и вытеснить на политическую обочину. Политика Н. Назарбаева тем самым строилась в точном соответствии с провозглашенным им в свое время лозунгом «без правых и левых». В конце 1990-х гг. в политике Казахстана явно выделились приоритеты его развития: создание национального (казахского) государства, гармонично существующего в условиях глобализации международных отношений, лидирующего в регионе в качестве «снежного барса» и остающегося верным своему евразийскому окружению.

Однако социально-политические изменения в Казахстане носили активный

характер и характеризовались, с одной стороны, десоветизацией, перестройкой системы образования, а с другой – унификацией и созданием «транснациональной» идеологии, за которой скрывалось стремление правящей элиты сохранить политический контроль.

В рамках политического процесса в Казахстане существуют парламент и политические партии. Выделяются т.н. пропрезидентские партии, «мягкая» и «жесткая» оппозиции. Повестка дня политического развития включает следующие пункты: усовершенствование выборного законодательства, наделение партий правом формировать политические блоки; снижение семипроцентного барьера до пятипроцентного и ниже; диверсификация ЦИК за счет расширения представительства участвующих в его работе партий; развитие политического диалога, в котором уважались бы права и интересы всех участников политического процесса; расширение доступа оппозиционных сил к СМИ; реформирование института оппозиции; усиление транспарентности в работе парламента [см.: Bowyer A.C., 2008; Zalenski P., 2006].

В ходе изучения политического процесса зачастую ставится вопрос о формировании казахстанского среднего класса. Пытаясь ответить, эксперты изучают практически все аспекты его социального облика – стиль жизни, досуг, политические пристрастия, бизнес и т.д. Параллельно анализируются другие стороны казахстанской экономики: ее феноменальный рост в 2000-е годы и влияние этого процесса на формирование среднего класса, финансовая и банковская система. Напрашивается вывод, что формирование среднего класса в Казахстане является целью всей государственной экономи-

ческой политики. Дальнейшей задачей правительства является защита этого класса от многочисленных вызовов и проблем, среди которых – коррупция, разрыв между уровнем жизни в городах и на селе, инфляция и разрушающее влияние глобальных финансово-экономических потрясений. Наличие у государства серьезных экономических рычагов позволяет сделать оптимистический прогноз по поводу перспектив развития казахстанского среднего класса [см.: Daly J.C.K., 2008].

Не будет преувеличением констатировать, что Казахстан сумел найти золотую середину в виде баланса интересов между заинтересованными геополитическими силами, с одной стороны, а с другой – в виде баланса между внешними игроками и национальными интересами страны. Кроме того, был найден баланс между элитами и основной массой населения, получившими свою долю национального богатства [Cohen 2008].

Технологии власти в Кыргызстане и Туркменистане

Рассматривая проблему власти и политики в Кыргызстане со времен обретения страной независимости, необходимо объяснить, почему государственное строительство в этой республике обернулось целым рядом неудач. Первые годы правления А. Акаева оцениваются как прогрессивные: в стране возникли демократические политические институты и свободный рынок. Однако проблема заключалась в том, что инструменты реформирования страны, которыми пользовался Акаев, в первую очередь правительственный аппарат, были не пригодны

для фундаментальной перестройки социальной и экономической жизни. Страна в конечном итоге погрузилась в хаос, а система государственного управления серьезно деградировала [см.: Engvall J., 2011].

Во второй половине 1990-х гг. А. Акаев вступил на путь строительства авторитарной модели. К сожалению, президент и его семья стали рассматривать государство и его экономические ресурсы как свои собственные. Повсеместный рост недовольства привел к событиям 2005 г., известным как «революция тюльпанов». Но надеждам на демократизацию не суждено было сбыться и после ее завершения. Новый президент К. Бакиев создал клептократический режим, который по злоупотреблениям превзошел акаевский. Результат известен: в 2010 г. Бакиев был свергнут.

Политическую историю Кыргызстана можно рассматривать с позиции борьбы между отдельными персонами, а не организованными по интересам группами. Элиты конкурируют за власть не в рамках формальных политических институтов, а используя патроно-клиентистскую пирамиду. Возникший здесь политический порядок имеет три существенных характеристики. Первая заключается в чрезмерно персонализированном влиянии («близость к телу»). Вторая характеристика политической системы Кыргызстана – постоянное перераспределение экономической ренты. Третья характерная черта подразумевает, что государство организуется по принципу рынка. Это включает в себя регулярную приватизацию госсобственности, создание различных фондов, компаний и т.д., через которые происходит перераспределение ресурсов и финансовых потоков.

При очередной смене режима и повороте политики все отбрасывается, и процесс начинается снова.

Необходимо подчеркнуть, что к Кыргызстану нельзя подходить с обычными мерками формального управления. Существуют большие сомнения в том, что переход Кыргызстана к парламентской системе сможет исправить положение вещей. Ситуация усугубляется тем фактом, что за годы независимости криминальная среда вышла из неорганизованного состояния и превратилась в группу сплоченных преступных синдикатов, контролирующих государственные предприятия, сельское хозяйство, легкую промышленность и транзит наркотиков. Естественно, поход криминальных авторитетов в официальную политику был лишь вопросом времени.

В целом политическому развитию республики можно дать следующую характеристику – «неорганизованный остров демократии Центральной Азии». Критически важным для Кыргызстана является вопрос, заработает ли на практике полупарламентская система, созданная после последнего переворота. От этого зависит перспектива освобождения политической элиты страны из цепкой хватки прошлого.

Изучая технологии власти в Туркменистане и все аспекты режима С. Ниязова, можно отметить, что первые пятнадцать лет независимости страны были неразрывно связаны с амбициозной личностью покойного президента. Именно он смоделировал как политические институты страны, так и ее культурную жизнь, оставив после себя след, длительные последствия которого до сих пор трудно оценить.

Оставаясь молодой политической нацией, Туркменистан, обретший свои

границы, создавший свой литературный язык и развивший свое национальное чувство в XX в., неистово обличает русский колониализм, который, собственно, и сформировал эту страну. Официальная историография ругает советский режим как чужеродный феномен, отмечая при этом, что туркменская элита смогла якобы нейтрализовать систему колониального господства и, более того, адаптировать ее к собственным нуждам. Неся на себе заметные следы советизации, туркменское общество по-прежнему зиждется на иерархических традициях и клановых отношениях. В то же время, несмотря на политику изоляционизма, реализуемую со времен обретения независимости, власти Туркменистана способствуют возвращению на Родину тысяч туркмен, проживающих диаспорой в соседних странах и на Ближнем Востоке. Это неизбежно влияет на конфигурацию социальной структуры в стране.

С 1991 г. туркменское общество развивалось в атмосфере господства культа личности президента, в тесной связи с которым формировались сами государственные структуры, ограничения свободы слова, выражавшегося в отсутствии независимых СМИ, затрудненных контактов с внешним миром и культурного диктата, основанного на канонизации творений «отца всех туркмен». Государственная независимость означала для основной массы населения сохранение идеологического контроля над обществом, сравнимого со сталинским режимом в СССР. Брежневский период и несколько лет перестройки по сравнению с эпохой президента С. Ниязова кажутся периодами подлинной свободы. В течение 15 лет в Туркменистане сохранялся неограниченный культ личности С. Ниязова.

Изображение президента можно было увидеть повсеместно, начиная от присутственных мест и заканчивая официальными денежными знаками. Дошло до возведения президентской генеалогии к пророку Мухаммеду и к Александру Македонскому. Ниязов сам себя провозглашал пророком. При его непосредственном участии был создан особый туркменский календарь. Полки книжных магазинов были завалены прижизненными сборниками поэтических произведений президента. Собственный культ С. Ниязов распространил и на свою семью.

Во время правления Ниязова ничто не угрожало его власти. Вездесущее государство гасило малейшую попытку общественного протеста. Разрозненная оппозиция действовала только в изгнании, а кланы не могли организовать против президента. Гражданского общества так такового не существовало, а каждый индивид был под неусыпным контролем полицейского и судебного ока. С кончиной диктатора закончилась первая фаза истории независимого Туркменистана, и открылись новые перспективы в политической и социальной перестройке [см.: Peyrouse S., 2007; Peyrouse S., 2012].

Роль кланов и семейных отношений

При изучении клановых отношений в Центральной Азии можно прибегнуть к классической теории примордиализма. Как известно, кланы существуют и в традиционном, и в современном обществах. Как институт они не умирают, а постоянно адаптируются к новым условиям. Расширение функций клановой структуры (часто образованной родственными связями) в ситуа-

ции, когда патроны занимают ключевые государственные должности, ведет к формированию параллельной системы управления государством, обладающей собственной легитимностью.

В среднеазиатских обществах сложилась особая демографическая ситуация, которая объективно способствует формированию клановых отношений. Чувство коллективизма, вырастающее на клановой солидарности, забота старших о младших и подчинение младших старшим, патриархальные традиции, уважение к предкам, взаимовыручка и взаимопомощь, коммуникабельность и приспособляемость к жизненным трудностям пускают глубокие корни в многодетных семьях сильнее и относительно слаборазвиты в малодетных. Последние больше ориентированы на внешнюю помощь государственных институтов, чем на внутренние клановые ресурсы. Отмеченные выше качества многодетной семьи играют не главную, но важную роль для развития кланов и их сплоченности. Именно многодетная семья воспитывает в человеке знание своей родословной, ближних и дальних родственников, понимание структуры отношений и роли родни «широкого круга».

При прочих равных условиях многочисленность дает клану важные преимущества. Чем многочисленнее семейство, тем больше ресурсов у клана для делегирования своих представителей в различные сферы жизни общества и государства, продвижения по службе сородичей или заключения выгодных браков. Демография формирует основу социальной жизни клана и определяет потенциальный диапазон его связей. В теоретическом плане мы приближаемся к характеристике клановой системы, данной Максом Вебером, как

«патримониального господства». В то же время эта система эволюционирует в сторону «политического клиентизма» [см.: Collins K., 2006].

Именно это объясняет особую роль родственных связей в социально-политической жизни стран Центральной Азии, сравнительно недавно переживших бурный рост рождаемости. Наблюдатели повсеместно отмечают неформальное деление на субэтноты, землячества, кланы у современных среднеазиатских наций: в Казахстане, где выделяются северные, южные, западные, в Кыргызстане, где существуют северные и южные, в Узбекистане, где клан президента ведет борьбу то с джизакской, то с бухарской и ферганскими клановыми группировками. Всюду положение усугубляется сохранением деления территориальных общностей на субэтнические группы при одновременном превращении территориальных групп (кулябцев, гиссарцев, ходженцев, бухарцев, балканцев, дашогузцев, лебапцев, марыйцев и др.) в этнизированные общности, каждая из которых считает себя этнически более чистой, чем другие.

Кланы могут формироваться на земляческой основе, и так происходит довольно часто. Однако это типическое, но не видовое свойство, определяющее клановый феномен. Видовым отличием кланов от других теневых неформальных структур является кровное родство, дальнее или близкое. В Узбекистане, как и в других республиках Центральной Азии, запрещена работа родственников в одном учреждении. Родственные связи стараются не афишировать, хотя это удается далеко не всегда. Патрон, как правило, старается показать, что опирается на земляков-неродственников.

На примере Центральной Азии отмечается парадокс системы клановости. Во всех независимых государствах Центральной Азии происходит обвальное снижение рождаемости, однако разложение многодетной семьи ведет не к ослаблению, а усилению земляческого единства и клановых связей внутри землячества. Исторически ослабление потребности иметь много детей начинается не с разочарования родителей в идеале большой семьи, а прежде всего с ущемления репродуктивной активности тяжелыми экономическими условиями. Вслед за этим происходит психологическое замещение неудовлетворенной потребности иметь много родственников в своей семье ощущением родства с членами субэтнической группы. Неудовлетворенная потребность в собственных детях компенсируется усилением связей индивидуума с метагенетическим коллективом, «племенем», земляческой группой.

Особая ситуация в сфере межклановых отношений сложилась в Туркменистане. Если в Узбекистане распределение постов происходит путем квотирования по регионам, в Казахстане принадлежность к власти определяется принадлежностью к тому или иному жузу, то в Туркменистане доступ к политической элите зависел прежде всего от личной преданности С. Ниязову, что неизбежно ущемляло клановую систему.

Пример Кыргызстана представляет несколько иную картину. Здесь серьезной проблемой является дихотомия город – деревня (аул), между которыми мечется киргизское общество. «Киргизизация» городов страны в последние десятилетия привела к тому, что новоявленные горожане принесли с собой в город руральную культуру и патриар-

хальные отношения. Во времена правления А. Акаева соблюдался паритет между традиционализмом и модерном. Но в дальнейшем вчерашние сельские жители активно пополнили бюрократический аппарат и политический класс, куда привнесли клановые отношения и связи. В их среде сохраняется семейственность как проявление трайбализма и патриархальности. В целом киргизское общество в основном остается традиционным, базирующимся в большей степени на механической, чем органической солидарности.

В Кыргызстане сложилась ситуация, когда неписанные правила («по понятиям») взяли верх над писаными законами, включая конституцию страны. Повсеместно вырос правовой нигилизм. Сложившаяся партийно-политическая система в республике также является подтверждением доминирования традиционных отношений. Зачастую происходит слияние понятий «партия» и «род». Помимо родоплеменных особенностей на социально-политическую ткань страны накладывается диверсификация общества по региональному признаку (Север – Юг). Большое количество зарегистрированных партий в республике (на пике в 2006 г. – 82 партии) отнюдь не является подтверждением реально существующей многопартийности, а скорее наоборот.

Характерной особенностью киргизской политической системы называют приватизацию государственной машины и превращение экономики страны в семейный бизнес очередного правящего президента. Фактически в республике сложились две параллельные системы власти. Одна – официальная, которая не способна контролировать ситуацию в стране; другая – неофициальная (зачастую криминальная), об-

ладающая реальной властью, особенно в регионах [см.: Bugazov A., 2013].

В случае с Казахстаном ряд ученых говорят о жузо-родовых связях как основе неформальной политической иерархии в стране. Рассматривая родовую систему казахов в исторической перспективе, они показывают, что в до-революционную эпоху она играла роль основы корпоративных связей, однако в советское время была практически сведена до своего символического, инструментального аспекта: у казахов, как у других национальностей в советском обществе, иерархия складывалась прежде всего на основе профессиональной и корпоративной солидарности. Постсоветская эпоха дала родовым отношениям вторую жизнь. Противостояние между официальной властью и оппозицией эти авторы рассматривают с точки зрения развернувшегося межкланового конфликта. Чтобы примирить неофициальную, клановую политическую жизнь с «нормальной» политической системой, предлагается в качестве оригинального подхода и единственного выхода из социального тупика легитимизировать родовую систему, т.е. вернуть клановым отношениям публичность и сделать их частью государственной политики и общественной жизни.

Многие эксперты рассматривают место русского населения в современном Казахстане, называя его «четвертым жузом». По их мнению, русские (и в целом русскоязычные), чтобы выжить, вынуждены принимать правила игры и в той или иной форме входить в клановую систему. По мере развития демографических тенденций и процентного увеличения доли казахского населения клановая система становится все более оперативной в политической

жизни страны. Однако исследователи признают, что на уровне центрального государственного аппарата, в различных министерствах и ведомствах трудно обнаружить клановую политику как систематическое явление.

Таким образом, клановая система в Казахстане имеет два пути для развития: первый – клановый клиентелизм, который ведет в конечном счете к развалу государства; второй – клановый баланс, что позволяет системе приобрести устойчивость. В Казахстане оба явления развивались одновременно. На сохранение и укрепление клановых отношений работает миграция из сельской местности в города, поскольку новоприбывшие вынуждены в чуждых для себя условиях подчеркивать свою субэтническую (т.е. родовую) идентичность. Особенно это касается регионов с высокой плотностью казахского населения. В то же время в пользу эрозии родовых связей действуют другие факторы, в частности, рыночные отношения.

Успехи Казахстана на ниве государственного строительства в постсоветский период, и особенно в новом столетии, впечатляют. Они опровергают мнение о том, что клановые отношения частично или всецело заменяют государственные институты. В этой связи возникает вопрос, на который нет однозначного ответа: действительно ли клановые отношения являются ключевой частью политической жизни Казахстана? В современном Казахстане процессы возникновения государства и активизации клановых отношений шли рука об руку. Клановая инфраструктура зачастую играет и положительную роль, в частности благодаря своему мобилизационному потенциалу и многоуровневому характеру отношений. В этом

контексте можно не считать клановые отношения абсолютным злом и чем-то катастрофичным. В них следует видеть не только историческую обузу, но и объективную реальность, с которой необходимо считаться. Казахстанское общество не является чем-то статичным и застывшим. Оно разнообразно по своей природе, сложно структурировано и находится в постоянной динамике. А так называемые клановые отношения – это только часть всей, существенно более сложной и крупной картины политической, демографической и социально-экономической трансформации современного Казахстана [см.: Schatz E., 2004].

С определенными оговорками Казахстан можно выделить как единственное государство в Центральной Азии, сумевшее путем реформирования правовой и административной системы совершить переход от неопатримониального режима к бюрократическому, развивающемуся по модели стран Юго-Восточной Азии [см.: Sapper M., Weichhsel V., Huterer A., 2007].

Клановые связи способны тормозить общественное развитие, содействуя реализации интересов небольшой группы людей, а затем уже общества в целом. Высокие формы демократии, как и крайние формы недемократии (сталинизм, туркменский башизм и т.п.), ограничивают влияние кланов, нарушая кровнородственные связи. Однако, с другой стороны, демократия не уничтожает кланы, а лишь не дает им застояться, укорениться, противопоставляя им принцип выборности и заставляя одни элиты делиться властью с другими. На практике мировое сообщество все еще далеко от совершенства, и потому клановая жизнь и теневая сторона кланов продолжают

играть важную роль во всех обществах и государствах мира, будь то социалистические, капиталистические, более или менее развитые страны.

Ввиду относительной молодости государств постсоветской Центральной Азии, несовершенства их демократических институтов клановая жизнь продолжает развиваться, приобретая новые земляческие очертания и этническую окраску. Конкуренция кланов и их смена не происходят мирным путем. Это следствие жесткой борьбы, порой с кровавыми результатами. При слабых темпах развития демократии на фоне перехода от монархического к олигархическому правлению, характерному для многих государств бывшего СССР, клановая жизнь получила дополнительные стимулы для развития. Возникли новые формы приспособления кланов к государственной системе.

Примером живучести является Туркменистан, где первый президент С. Ниязов постоянно «тасовал колоду» клановых патронов, не давал засидеться на высокой должности никому из них, зачастую отправляя отставников из министерских кресел прямо в исправительно-трудовые лагеря. Тем не менее формирование кланов в Туркменистане не останавливалось ни на один день. После внезапной и во многом загадочной кончины Туркменбаши новая команда президента пополнилась, в отличие от сироты Ниязова, реальными родственниками следующего высшего должностного лица [см.: Collins K., 2006; Edgar A.L., 2006; Weller R.Ch., 2006; McMann K.M., 2006; Pomfret R., 2006; Starr S. F., 2006; Marat E., 2007; Lewis D. 2007].

Существует еще один важный момент. Государства Центральной Азии все больше становятся частью боль-

шого мира мусульманского Востока. Взаимодействие с ним будет неизменно усиливаться, и, соответственно, будет расти его влияние. Сильная централизованная власть в Центральной Азии позволяет отчасти сдерживать этот процесс. Однако ее ослабление в любой из стран региона может привести к росту общинной самоорганизации, как это произошло в Таджикистане в условиях конфликта. В тех же странах, где раньше существовала родоплеменная система, это может привести к ретрайбализации, к восстановлению племенных структур и их последующей конкуренции друг с другом и с государством.

По словам известного французского советолога Э. Каррер д'Анкокс, руководители государств постсоветской Центральной Азии оказались перед выбором: национальное строительство за счет демократии или национальное и демократическое строительство параллельно. Как считают многие исследователи, выбор был сделан в пользу первой модели. О том, насколько он верен, судить пока рано. В исторической перспективе с 1991 г. прошло не так много времени, а сам центральноазиатский регион настолько разнороден в культурном отношении, что реализуемая модель нигде не повторяется в точном виде. В любом случае переходный период, сколько бы он ни продлился, требует новых оригинальных подходов к государственному строительству в регионе.

Центральная Азия находится на стыке цивилизаций и эпох. Перспективный проект ее политического развития неизбежно будет представлять

собой синтез между азиатским Востоком и европейским Западом, между автотонным и русским началами, между атеизмом и православием, исламом и шаманизмом. Будущее региона, без сомнения, связано с Западом. Однако азиатское прошлое и настоящее также никуда не уйдет. С одной стороны – мощь поднимающегося Китая, с другой – кочевая идентичность Центральной Азии, которая может казаться архаичной, но неизменно проявляется в ходе процесса конструирования идентичности центральноазиатских наций [см.: Poujol C., 2000].

От того, насколько успешным этот синтез окажется в каждой из стран Центральной Азии, зависят перспективы их государственности. Нет ничего заранее предопределенного. Отсутствие у многих из них глубокой традиции государственности отнюдь не предполагает необходимости активного национального мифотворчества и особого акцента на этническом компоненте национального строительства. Наличие развитой инфраструктуры клановых отношений может рассматриваться не только как препятствие к созданию прочных государственных институтов, но и как подспорье для него. Утверждать, что перспектива демократического развития для Центральной Азии закрыта, едва ли правомерно. Вполне вероятно, что у региона есть свой особый путь к демократии. Но выйти на него удастся лишь тогда, когда во всех его государствах будет создан прочный фундамент государственности.

Библиография

Айткен Дж. Казахстан. Сюрпризы и стереотипы. Москва: Художественная литература, 2011.

Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы. Москва: ИВ РАН/ЦСПИ, 2011.

Центральная Азия и внешние державы. Pro et Contra (МЦК). 2013. № 1-2.

Bowyer A.C. Parliament and Political Parties in Kazakhstan. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008

Bugazov A. Socio-Cultural Characteristics of Civil Society Formation in Kyrgyzstan. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2013.

Burghart D.L., Sabonis-Helf Th. (eds.) In the Tracks of Tamerlane. Central Asia's Path to the 21st Century. Washington, DC: NDU, 2004.

Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Contemporary Kazaks. Cultural and Social Perspectives. Ed. By I.Svanberg. Richmond: Curzon Press, 1999.

Daly J.C.K. Kazakhstan's Emerging Middle Class. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008.

Dave B. Kazakhstan – Ethnicity, Language and Power (SOAS). London, New York: Routledge, 2008.

Edgar A.L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006.

Engvall J. Flirting with State Failure: Power and Politics in Kyrgyzstan since Independence. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011.

Lewis D. The Temptations of Tyranny in Central Asia. New York: Columbia University Press, 2007.

Marat E. The Military and the State in

Central Asia. From Red Army to Independence. London: Routledge, 2009.

Marat E. The State-Crime Nexus in Central Asia: State Weakness, Organized Crime, and Corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS – Washington, D.C., 2007.

McMann K.M. Economic Autonomy and Democracy. Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. New York: Cambridge University Press, 2006.

Peyrouse S. Turkménistan. Un destin au carrefour des empires. Paris: Edition Belin, 2007.

Peyrouse S. Turkmenistan. Strategies of Power, Dilemmas of Development. Armonk, New York: Sharpe, 2012.

Pomfret R. The Central Asian Economies since Independence. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006.

Poujol C. Le Kazakhstan. Paris: Presses Universitaires de France, 2000.

Sapper M., Weichhsel V., Huterer A. (Hrsg.) Machtmosaik Zentralasien. Traditionen, Restriktionen, Aspirationen. Bonn: BPB, 2007.

Schatz E. Modern Clan Politics: the Power of 'Blood' in Kazakhstan and Beyond. Seattle, London: University of Washington Press, 2004.

Starr S. F. Clans, Authoritarian Rulers, and Parliaments in Central Asia. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University-SAIS, 2006.

Weller R.Ch. Rethinking Kazakh and Central Asian Nationhood. A Challenge to Prevailing Western Views. Los Angeles: Asia Research Associates, 2006.

Zalenski P. Elity władzy politycznej Kazachstanu. Warszawa: IPS UW, 2006.

Zhiltsov S. Political Processes in Cen-

tral Asia: Peculiarities, Problems, Prospects // *Central Asia and Caucasus* (Lulea, Sweden). 2016. № 1.

References

Ajtken Dzh. Kazakhstan. Sjurprizy i stereotipy. Moskva: Hudozhestvennaja literatura, 2011.

Politicheskij process v Central'noj Azii: rezul'taty, problemy, perspektivy. Moskva: IV RAN/CSPI, 2011.

Central'naja Azija i vneshnie derzhavy. Pro et Contra (MCK). 2013. № 1-2.

Айткен Дж. Казахстан. Сюрпризы и стереотипы. Москва: Художественная литература, 2011.

Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы. Москва: ИВ РАН/ЦСПИ, 2011.

Центральная Азия и внешние державы. Pro et Contra (МЦК). 2013. № 1-2.

Bowyer A.C. Parliament and Political Parties in Kazakhstan. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008.

Bugazov A. Socio-Cultural Characteristics of Civil Society Formation in Kyrgyzstan. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2013.

Burghart D.L., Sabonis-Helf Th. (eds.) In the Tracks of Tamerlane. Central Asia's Path to the 21st Century. Washington, DC: NDU, 2004.

Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Contemporary Kazaks. Cultural and Social Perspectives. Ed. By I.Svanberg. Richmond: Curzon Press, 1999.

Daly J.C.K. Kazakhstan's Emerging Middle Class. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008.

Dave B. Kazakhstan – Ethnicity, Language and Power (SOAS). London, New York: Routledge, 2008.

Edgar A.L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006.

Engvall J. Flirting with State Failure: Power and Politics in Kyrgyzstan since Independence. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011.

Lewis D. The Temptations of Tyranny in Central Asia. New York: Columbia University Press, 2007.

Marat E. The Military and the State in Central Asia. From Red Army to Independence. London: Routledge, 2009.

Marat E. The State-Crime Nexus in Central Asia: State Weakness, Organized Crime, and Corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS – Washington, D.C., 2007.

McMann K.M. Economic Autonomy and Democracy. Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. New York: Cambridge University Press, 2006.

Peyrouse S. Turkménistan. Un destin au carrefour des empires. Paris: Edition Belin, 2007.

Peyrouse S. Turkmenistan. Strategies of Power, Dilemmas of Development. Armonk, New York: Sharpe, 2012.

Pomfret R. The Central Asian Economies since Independence. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006.

Poujol C. Le Kazakhstan. Paris: Presses Universitaires de France, 2000.

Sapper M., Weichhsel V., Huterer A. (Hrsg.) Machtmosaik Zentralasien. Traditionen, Restriktionen, Aspirationen. Bonn: BPB, 2007.

Schatz E. Modern Clan Politics: the Power of 'Blood' in Kazakhstan and Beyond. Seattle, London: University of Washington Press, 2004.

Starr S. F. Clans, Authoritarian Rulers, and Parliaments in Central Asia. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University-SAIS, 2006.

Weller R.Ch. Rethinking Kazakh and Central Asian Nationhood. A Challenge to Prevailing Western Views. Los Angeles: Asia Research Associates, 2006.

Zalenski P. Elity władzy politycznej Kazachstanu. Warszawa: IPS UW, 2006.

Zhiltsov S. Political Processes in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects // Central Asia and Caucasus (Lulea, Sweden). 2016. № 1.

Murat T. LAUMULIN,

Doctor of Political Sciences (Kazakhstan)

Formation of the Post-Soviet Statehood in Central Asia

DOI:10.23932/2542-0240-2016-9-5-95-113

ABSTRACT. *The features of formation of statehood in Central Asia in the post-Soviet period are discussed in this article. The author makes the assumption that the Central Asian region has lost the homogeneity, said by researches. The way of construction of nation-states after the col-*

lapse of the Soviet Union is traced in this article. Also, it tells about the role of clans and family relations in Central Asia.

KEYWORDS: Central Asia, Soviet Central Asia, the statehood in the post-Soviet space, primordialism, legitimization.